Зеркальность мифа. Еще раз о последствиях германо-большевистского взаимодействия

Феномен германо-большевистского взаимодействия не только может, но и должен исследоваться на уровне действовавшего «здесь и сейчас» политического мифа, а не в рамках очередного «следственного дела», пополняющего фактологию. Ведь воздействие мифологического измерения этого сюжета на события 1917, 1918, 1919-го, а зачастую и последующих годов (вплоть до 1940-х и конца 1980-х гг.) намного превосходит реально имевшие место акции любого рода, с обеих сторон. Одним из не прямых доказательств приоритета мифологии (порой хорошо сознаваемой и используемой не только противниками Германии и Совнаркома, но и наоборот ими самими) является тот факт, что миф об импорте революции возымел зеркальный эффект в истории революции в Германии. Хотя теория революционного заговора в Кайзеррейхе была крайне популярна в 1920-х гг., она оказалась забыта значительно быстрее и надежнее, чем необычайно актуальный сюжет о пломбированном вагоне с продолжением. И это касается не только постсоветского пространства, но и Германии, и тем более западных стран. Исключения (вроде 2-томника И. Фляйшхауэр) скорее показательны, чем весомы. Между тем ныне забытый сюжет о злокозненности большевиков и организации ими Ноябрьской революции, причем едва ли не с переговоров в Бресте зимой 1917-1918 гг., а то и ранее имел определяющее значение в реакции германских элит на взаимодействия с Советами, несмотря на отсутствие единых представлений о внешнеполитической стратегии на Востоке.

Оба мифа во многом зеркальны, и по степени достоверности, и по сюжетным линиям. В этом может убедить достаточно краткий, хотя и акцентированный пересказ соответствующего сюжета, однако уместно остановиться именно на германском его отражении, а не на столь часто обсуждаемой исключительно российской стороне.

Уровень доказательности в обоих случаях может быть чрезвычайно высоким, особенно с формальной точки зрения. При любых попытках отказаться от искусственного разделения в исследовании обоих мифов и вообще отойти от публицистического накала критически важным является пересмотр привычных представлений о связи ПМВ и Гражданской войны. Он давно назрел в профессиональном сообществе, едва ли дискуссионен, однако почти не «инсталлирован». Все более детально (в т.ч. на основе продолжающих публиковаться источников) выстраивается картина кампании 1918 г. в Гражданской войне в России как кампании 1918 г. на Восточном фронте Первой мировой войны, где бы он ни проходил с т. зрения тех или иных участников событий. До сих пор на анализе этой проблематики тяжело сказывается эффект пост-знания и неоправданные «аксиомы» (особенно о том, что именно Советская Россия станет основным контрагентом Германской империи на Востоке не в кратко-, а средне- и долгосрочной перспективе), т.е. что взаимоотношения Кайзеррейха с Белым движением (а то и Украиной, Грузией (но не Финляндией...)) и проч. являются лишь одним из сюжетов в советско-германских отношениях.

Любые теории заговора связаны с резким искажением масштабов воздействия тех или иных деятелей, а потому возникает проблема развития биографических исследований, где обнаруживаются до странности зияющие пробелы. Особенно ярким примером являются не политические лидеры красных, белых, зеленых и проч., а именно организаторы и проводники интервенции, а также их «местные» контрагенты, ведь они оказались вне фокуса внимания и российской историографии (за некоторым исключением), и национальных историографий (ведь там ищут лишь «местных» героев), и уж тем более западноевропейских исследований, где акцентные расставлены в лучшем случае сомнительно, на грани старательного игнорирования (под почти априорные

заявления о заведомой «изученности», об отсутствии эмпирической ценности «чистой» военно-политической истории, а потому увлечения явлениями вторичными (включая историческую память), а то и иллюзорными с сомнительной терминологией). Поэтому при отсутствии источниковых затруднений и не вызывающей сомнений значимости нет целого ряда хотя бы базовых биографий и сборников документов. Зачастую проще перечислить о ком соответствующие исследования есть, нежели тех, о ком ни одной крупной (или вообще ни одного) работы нет. Восполнение этих лакун идет различными путями, но в любом случае недостаточными темпами.

В ходе масштабной работы над 2 крупными сборниками документов («Брестский мир» и «Берлинская миссия полпреда Иоффе»), а также над более широкой тематикой германской Ostpolitik и отношений Кайзеррейха с Совнаркомом и другими правительствами лимитрофов Российской империи удалось обнаружить (в АВП РФ, в РГАСПИ, РА АА, ВА-МА) огромное количество материалов, способных радикально усложнить историю взаимоотношений между Берлином и Петроградом/Москвой, а также с рядом региональных центров антибольшевистских сил. Однако не были – почти на удивление – обнаружены действительно новые и крупные доказательства финансирования революционной деятельности как большевиков в России, так и со стороны большевиков их единомышленников в Кайзеррейхе в 1918 г. Это едва ли можно объяснить спецификой сохранности документов или особой их некогда секретностью. При этом известных и уже введенных в оборот материалов достаточно для базовых выводов, а вот отсутствие дополнительных и однозначных свидетельств «глобальной подрывной деятельности» (под прикрытием дипломатических представительств РСФСР в Германии) вполне позволяет оценить соотношение между мифом и воздействием именно мифа и реальным масштабом соответствующей активности. Не будет, например, большим преувеличением сказать, что именно подозрения в реальности, а не в мифологичности версии о глобальной большевистской подрывной сети стали повивальной бабкой базовых опор Веймарской республики, то есть соглашения Эберта – Грёнера (и в меньшей степени – Стиннеса – Легина). Откровенно преувеличенные и искаженные представления о реальности большевистской угрозы, о степени координации между спартакистами и РКП(б), о перспективе вторжения РККА в Германию (пусть и в короткий, но самый значимый период Ноябрьской революции, в декабре 1918 г. – начале февраля 1919 г.) возымели мощный мотивирующий эффект и для СДПГ, и для ОХЛ, и для целого ряда их ситуационных партнеров.

Более того: мифологическое убеждение ряда германских инстанций в том, что некогда в ходе смертельной схватки с Антантой взаимодействие с большевиками помогало добиваться громадных выгод с наименьшими потерями, сохраняло свою тень весь «доверсальский» период, провоцируя на попытки новых сделок даже между самыми яростными противниками большевиков (из фрайкоров) и Москвой и красной (до 22 мая 1919 г.) Ригой, а то и позже (вплоть до «искушения» августа 1920 г.). Особого рассмотрения потребовал бы и «советский» след, а точнее - воздействие соответствующего мифа на консолидацию сил против ультралевых мятежей в Баварии, Бремене, Саксонии и Руре. Параллелей в степени и характере эффекта от убеждения в масштабности взаимодействия кайзеровских инстанций и ультралевой партии достаточно много, хотя оба мифа часто доходят до стадии фантазмагии. Это заставляет признать историческую значимость мифа, его влияние на текущие события особым и важным фактором, на фоне которого едва ли актуальны любые дальнейшие «разоблачения»/«оправдания». Представляется, что при обострении или провоцировании конфликтов исторической памяти такой подход может стать перспективным способом выходом из длившегося десятилетиями «клинча».